

Курейчик Андрей

ИСПОВЕДЬ ПИЛАТА

Одноактная пьеса

Действующие лица:

Понтий Пилат, бывший наместник (префект) Иудеи, находящийся в ссылке.

Прокула, его жена.

Марк Копоний, всадник, следователь сенатской комиссии, легат императора Гая Калигулы.

Иисус Назорей, проповедник из Галилеи.

Иаков, сводный брат Иисуса, возглавивший после его смерти Иерусалимскую общину.

Анна, бывший первосвященник.

Гарнхильк, германский вождь.

Сеян, фаворит Тиберия и командир преторианской гвардии.

Гладиаторы и публика.

Пирующие.

Калигула, женоподобное существо.

Трагики.

Действие происходит в 39 г. н. э., на острове, куда Пилат был сослан после снятия с должности наместника Иудеи. Сумрачная зала в его доме.

Пилат спит. Медленно и трудно происходит пробуждение. Видно, что сон был тяжёл для него.

Пилат. Этот сон добьёт меня...

Входит Прокула.

Прокула. Что ты сказал?

Пилат. Я сказал, что мне снова снился *ОН*.

Прокула *(с надеждой)*. Иисус?

Пилат *(мрачно и резко)*. Тиберий! Мне снова снилось это чудовище.

Прокула. Его руки?

Пилат. Да... *(Пауза.)* Его руки... Ты не представляешь, Прокула, эти старческие, трясущиеся, алчущие клешни... Они тянулись ко мне... Они воняли! Боги! Эта отвратительная вонь жадных, жирных пальцев... *(принюхивается)* Чем здесь пахнет? Что это за вонь?

Прокула. Не понимаю, о чём ты говоришь?

Пилат. Чем-то пахнет.

Прокула. Я ничего не чувствую.

Пилат. Но чем-то пахнет.

Прокула. Не знаю.

Пилат. Ну точно пахнет.

Прокула. Не пахнет.

Пилат. Пахнет.

Прокула. Не пахнет.

Пилат. Ну пахнет же...

Прокула. Но Понтий...

Пилат. *(Орёт в бешенстве)* Да что это за вонь в конце концов!

Прокула. А... это рыба.

Пилат. Какая Рыба?

Прокула. Сегодня на кухню рыбу привезли.

Пилат. И чтоб все об этом узнали, завоняли ею весь дом.

Прокула. Успокойся, Понтий.

Пилат. Я спокоен.

Прокула. Он умер, Понтий. Тиберий умер три года назад. Его тело сожгли на Марсовом поле. Его уже нет...

Пилат. Я ещё не выжил из ума, Прокула. Не надо со мной как с идиотом.

Прокула *(с любовью)*. Ну что ты... Всё из-за этой лихорадки.

Пилат. Да нет у меня никакой лихорадки.

Прокула. Что я не вижу? Ты весь горишь.

Пилат. Прокула...

Прокула. Сейчас тебе станет легче.

Пилат. Оставь меня.

Прокула. Хочешь, я принесу тебе питья?

Пилат. Нет. Ступай. *(Прокула уходит, но он останавливает её.)* Хотя нет, пожалуй, принеси мне воды...

Прокула уходит

Даже не знаю, что хуже сон или реальность. Там этот урод приходит лично, а здесь... Вся моя жизнь теперь — это предсмертная шутка Тиберия. Он не хотел уходить один. Он знал, что умирает, хотя и не хотел в это верить. Но знал... Его лицо облезло струпьями. (*Смеётся.*) Великий император Рима. Владыка вселенной. А боялся помереть один. Наверное, он убил бы всех, если бы мог. Со мной он расправиться не успел¹... Хотя иногда мне кажется, что лучше бы меня казнили, как в своё время Сеяна²... Мне говорили, толпа три дня терзала его тело. Вместе с ним осудили его детей, маленьких детей. По закону детей нельзя было казнить. Тогда Тиберий приказал одеть мальчика как взрослого. А маленькую девочку (*запинается*)... Он приказал её изнасиловать палачу, чтобы она стала женщиной. Какой-то нечеловеческий цинизм... Тогда казнили многих: и сенаторов, и всадников, и простолюдинов... Может быть, погибни я тогда, всё равно это было бы лучше, чем то, что Тиберий определил мне сейчас... Сколько времени прошло с тех пор, как я покинул Иудею? Три года? Четыре? А кажется как сто или как неделя. На этом проклятом острове даже время не имеет значения. Тупая размеренность! Деревенская идиллия! Кто меня здесь окружает? Рабы? Женщины? Я здесь один!

Входит Прокула с питьём.

Прокула. А я?

Пилат. Гнию здесь. Я гнию здесь душой также, как Тиберий телом.

Прокула. Это наказание, Понтий.

Пилат (*с сарказмом*). Ты всё об этом приговоре? Шесть лет одно и то же. Что ж он меня наказывает, если это бог всепрощения? Молчишь? То-то же! Тиберию нужен был лишь повод. В его разъеденных, сумасшедших мозгах не было ни одной здоровой мысли: один лишь страх, подозрение, ненависть. Он мстил всем, всем кому мог, за связь с Саяном, Германиком, мстил просто так, мстил за богатство, за честность, за ум, за неминуемость собственной гибели...

Прокула. Понтий...

Пилат. Ему было плевать на меня! Поэтому моё положение невыносимо. Я могу понять, когда тебе отомстили за что-то, но когда списками, просто потому, что был повод! И теперь он подох, а я сижу в ссылке на этом острове, не вправе покинуть его...

Прокула. Ты изводишь себя, Понтий. Так ты совсем себя изведёшь...

Пилат. А что мне делать?

Прокула. Забудь. Забудь обо всём.

Пилат. Что же у меня тогда останется? У меня нет власти, нет свободы, нет веры, интереса... Я даже не могу нормально поспать. Что же у меня тогда останется?

Прокула (*тихо*). Я.

Пилат. Зачем мне ты, если у меня не будет меня?

Прокула расстроенная уходит.

(*Ей вдогонку*) И где вы взяли такую вонючую рыбу? (*Один.*) Только и осталось, что воспоминания... Я доживаю свою жизнь как старик. Без надежды, без будущего... А мне ведь ещё... Всем плевать! Все сидят по своим норам, трясутся за свои посты, ждут, когда им придётся увидеть цвет собственной крови... Тиберий был безумцем и тираном. Калигула¹ оказался его достойным приемником. Распушенность, похоть, подлость, доносы, смерть. Всё катится под откос... Те, последние ростки величия Рима,

¹ По сведениям Иосифа Флавия Понтий Пилат был отстранён от должности наместником Сирии Вителлием и направлен в Рим для дачи объяснений Тиберию, но тот умер незадолго до приезда Пилата.

² Сеян был ближайшим соратником Тиберия, начальником его личной гвардии, затем префектом Рима. Был казнён в 31 г. н. э., при непосредственном участии Гая Калигулы. За связь с Саяном было казнено около двухсот сенаторов, четырёхсот всадников и множество простолюдинов.

¹ Гай Калигула, император Рима 36-41гг. н. э. По одной из версий Пилат умер именно во времена правления Калигулы.

цивилизации Республики, силы и величия Божественного Августа — всё затоптано, ничего не осталось... Вместо людей — сатиры! Какая-то грязь, низость... Рим превращается в крысятник: люди жрут и давят друг друга... Кровавые ручьи текут со всех семи холмов. Я удивляюсь, как Тибр ещё не вышел из берегов?! Сенат раздавлен, армия деморализована... Такое впечатление, что вся метрополия — это большая оргия во время бесконечной казни.

А я ведь помню Рим совсем другим... Мальчиком, привезённый с Сицилии в Рим, я был поражён его величием, его громадностью, многолюдностью, разноголосьем. Для меня это были тысячи новых миров. И на каждом шагу, в каждом разговоре, в каждом взгляде — Божественный Август! Я спрашивал отца, когда я смогу увидеть Солнцеподобного. Я увидел его в цирке. Я помню как весь цирк разом встал — тысячи людей — и я чуть не оглох от единого восторженного возгласа “Август!” Тогда я увидел лишь складки его пурпурной мантии и золотой венец.

Панорама гладиаторского боя. Он комментирует то, что происходит на сцене.

Потом начались бои. Гладиаторы бились поодиночке и целыми армиями. Я слышал лязг их оружия, воинственные кличи, предсмертные хрипы... Я впервые увидел, как один человек убивает другого, и понял, что... я тоже так хочу! Я хочу почувствовать в руках тяжесть меча и рубить им врагов, ощущать, как меч входит в плоть... Я помню, на арене бились двое. Кажется, один из них был галл или германец, а второй — египтянин. Они уже устали. Пот лился с них ручьями. Они по долгу отдыхали перед тем как снова схватиться. Зрители были недовольны. Ещё немного и на них бы выпустили хищников... Но тут галл споткнулся и египтянин ударил его наотмашь палицей по голове. Часть кожи сорвало, и кровь залила лицо. Галл как-то ошарашено посмотрел на противника, затем на зрителей и выронил из рук меч. Египтянин не знал, что делать. “Добей его! Смерть ему!” — кричали зрители. Я, помню, тоже кричал. Мне хотелось увидеть смерть галла. Затем наступила тишина. До сих пор эту гнетущую тишину переполненного цирка. Божественный Август встал и медленно поднял большой палец вверх. Одно его слово перевесило крики многих тысяч.

Победивший гладиатор помогает своему поверженному сопернику. Они уходят.

Холодно... Чего же здесь так холодно? И эта рыбная вонь...

Я мало помню из своего детства... Мой отец был всадником и хорошим воином. Я тоже хотел стать воином. Тогда в Риме только и говорили о новых завоеваниях. При первой же возможности я покинул Рим и уехал в Галлию, в действующую армию. Мне так хотелось доказать Августу свою преданность! Первая перемена в моей жизни. Совсем другая земля... Я такое видел впервые: сплошные леса, громадные деревья, бесконечные, непроходимые чащи, полные дичи и дикарей. Между лесами долины сочных трав, озёра, полноводные реки...

Выходят варвары.

Мы не умели воевать в лесах, когда из-за каждого куста летели стрелы и дротики, когда на нас готовили волчьи ямы, заваливали дороги, поджигали деревья, отравляли воду... Именно там я учился жить в мире с народом, который был для меня и для Рима врагом. Конечно были стычки и бои, но я учился соблюдать баланс, договариваться, когда это необходимо и карать... Я пытался понять их. Галлы были сынами природы. Даже боги их жили в лесах и реках. Они бесстрашно бились, защищая свои селения, и при этом охотно нанимались в римскую армию, если им хорошо платили. Галлы редко предавали, если не трогать их родных деревень. У меня создавалось впечатление, что мы, римляне, им и не сильно мешали. Со временем мне даже стали приятны их нравы. Их законы были

просты: за убийство — смерть, как, впрочем, и за большинство преступлений. Простота управления. Стремление к простоте и справедливости во всём. Отказ от уродливых и ненужных излишеств... Да, в Галлии мне было очень хорошо...

*Варвары садятся. Начинается пир, на котором присутствуют и римляне и варвары.
Танцы рабынь и развлечения. Входит старый Гарнхильк.*

Пилат. Аве Цезарь, приветствую тебя, Гарнхильк.

Гарнхильк. Добрый день, всадник. Хороший у тебя пир, весёлый...

Пилат. Римляне умеют две вещи: воевать и веселиться.

Гарнхильк. Веселиться у вас получается лучше.

Пилат. *(Смеётся).* Ах ты, старый медведь. Ты мне лучше вот что скажи, чем там твои ребята на дороге отличились? А? Почему происходит уже второе нападение на обозы в Борнском лесу?

Гарнхильк. Были нападения?

Пилат. Семеро убитых.

Гарнхильк. Я не знал.

Пилат. Знал. Но на всякий случай говорю снова, ты объясни своим что к чему. Пусть думают. Если сюда Сциллий Катон с двенадцатью когортами подойдёт, он разбираться не будет — пожгут всё, перебьют сколько смогут и снова на равнины уйдут. А мне тут с вами зимовать.

Гарнхильк. Да молодёжь это резвиться, — ещё не соображают. Вспомни каким сам был, когда сюда приехал. Грозился в два года очистить леса от союзных племён.

Пилат. Да, глупый был. Был! Ты о деле говори...

Гарнхильк. Им приказа такого не было, по дурости сунулись. Им бы побрякушки девкам принести, выделиться удалью.

Пилат. Но ты же понимаешь, чем это грозит. Объясни им.

Гарнхильк. Попробую. Только и ты своих попрдержжи, всадник. А то солдаты твои слишком на наших женщин заглядываются — бесполезно это для мира.

Пилат. Хватит о делах. Веселиться надо. Вина выпьешь? Александрийское вино, из Египта. Знаешь ты где Египет?

Гарнхильк. Не знаю... Да и ты про северные земли не много-то знаешь.

Пилат. Ничего, доберёмся и до северных земель. Ваша земля ведь уже принадлежит Риму.

Гарнхильк. Риму? Нет, Риму принадлежит лишь земля, на которой стоят его легионы. А всё что вокруг наше...

Пилат. Я вас не понимаю... Не понимаю, почему вы с таким упорством противитесь. Ведь Рим несёт вам цивилизацию. Цивилизацию, понимаешь? Посмотри, мы делаем лучшее оружие, амфоры, ткани, крепости. Мы можем научить вас...

Гарнхильк. Амфоры, говоришь. Зато мы делаем лучших в мире мальчиков. Какая амфора сравнится с этим? А на счёт цивилизации, я тебе так скажу, всадник... За летом всегда следует осень, за осенью — зима. Сейчас вы нам несёте цивилизацию мечами и копьями. Поверь мне, пройдёт время, и мечами и копьями мы понесём цивилизацию в Рим. А знаешь почему?

Пилат. Почему?

Гарнхильк. Потому что вы будете продолжать делать лучшие в мире амфоры, а мы — лучших в мире мальчиков.

Пилат. Я думаю, нескоро твои предсказания сбудутся, Гарнхильк.

Гарнхильк. Может, не скоро, а может, и скоро...

Смеётся, уходит, пир пропадает.

Пилат. Всё закончилось со смертью Августа. Мне пришлось ехать в Рим. Я провёл в Галлии несколько великолепных лет... А в Риме было беспокойно... Траур сопровождался отчаянной борьбой за влияние на приемника. Это было похоже на возню стервятников над трупом льва... Забавно, сейчас почти никого не осталось из тех, кто давился за власть. Их пожрала гидра, которую они сами же и породили. Именно тогда у меня появился покровитель — меня заметил Сеян. Он фактически подставил плечё Тиберию, за что тот сделал его начальником личной гвардии. И влияние его на дела в государстве росло. Тиберий как кукла слушался его советов, понимая что его власть зависит от преторианцев... Для меня это были трудные годы. Несколько раз я порывался уехать... (*Собирается уходить*).

Появляется Сеян.

Сеян. Пилат, стой...

Пилат. Я решил...

Сеян. Нельзя!

Пилат. Не уговаривай меня. Я не хочу здесь оставаться — здесь воняет трупом.

Сеян. Ты думаешь, я этого не чувствую? Я с этим трупом каждый день. Но ты мне нужен сейчас.

Пилат. Зачем? У тебя же в подчинении целая армия.

Сеян. Ты что, совсем ничего не понимаешь? Не понимаешь, что происходит? Пилат, опомнись. Прошло то время, когда власть завоёвывалась армиями? Прошло время, когда Цезарь с Помпеем решали кому быть властелином Рима в открытом поле. Всё изменилось. Кому достанется власть, решают десять, двадцать, тридцать человек. Мне нужны здесь люди! Нужны люди, люди, понимаешь?

Пилат. А если я не...

Сеян. Выбери. Просто уйти не удастся.

Пилат. Хорошо, я останусь... Но пообещай мне, здесь, сейчас пообещай, что как только твоя власть укрепится, ты отпустишь меня.

Сеян. Хорошо. Дай мне год, а потом езжай, куда хочешь. Один год, я тебе обещаю...

Пилат. Кто это там? Что это за девка смотрит там из угла?

Сеян. Это? Это “Сапожок”, Калигула.

Пилат. Отпрыск Германика?

Сеян. Полный идиот. Совершенно безопасен. Любит одеваться девочкой... Смазливый, не правда ли? Будет хорошей подстилкой для любителей мальчиков. (*Калигуле*) Пошёл вон! (*Калигула прячется*).

Пилат. Кто знает, кем он будет... Помни своё обещание, Сеян, помни...

Сеян и Калигула уходят.

Пилат. Он не забыл... Вскоре я, всадник Понтий по прозвищу Пилат, стал наместником-префектом¹ Иудеи. Мне говорили: беспокойный край, хитрые люди, жестокие нравы, подлость...

Моё первое впечатление в Иудее — запустение. Нет, мне там сразу не понравилось. Высохшие равнины, почти нет лесов, лишь хлипкие рощи смоковниц, палящее солнце, глиняные лачуги, налипшие одна на другую... Восток. Жёлтый, многоликий восток... О вольной, просторной, зелёной Галлии остались лишь воспоминания. После смерти Ирода² разделённая на тетрархии, управляемая его бездарными сыновьями и всесильными священниками, Иудея предстала передо мной

¹ Должность прокуратора вошла в обиход управления в Риме лишь после 40 г. н. э., о чём свидетельствуют последние археологические находки. Понтий Пилат был префектом (наместником) Иудеи с 26 по 36 гг. н. э.

² Ирод Великий (73 г. до н. э. – 4 г. до н. э.), царь Иудеи с 40 г. до н. э.

какой-то мешаниной. Двенадцать колен Израиля, самаряне, галилеяне, арабы, сирийцы, греки — кто только не населял эти бесплодные холмы. Они были помешаны на религии. При том, что у них был всего один бог. Я старался не оскорблять их суеверий. Собственно, они меня мало интересовали. Саддукеи, фарисеи, zeloty, какие-то секты, сикхари... Они резали, давили, убивали друг друга во имя своего бога. Это их право. Поразительно, такой ненависти и лизоблюдства одновременно я ещё никогда не видел. Они искусно скрывали свой страх, проявляя его лишь для того, чтобы потешить своё тщеславие.

Три брата у власти в раздробленной Иудее: старший — Архелай — подловатый, трусливый подхалим, пьяница и глупец; средний — Ирод Антиппа³ — достойный сын своего отца, хитрый, жестокий, и при этом ленивый и податливый; и Филипп, который, наверное, стал бы хорошим фермером или торговцем, всё честолюбие которого сводилось к лъстивым мордам крестьян Гавлотиниады. Они ненавидели друг друга. Может быть, они бы перетравили друг друга, если бы не... Рим. Я! Я был вынужден своими легионами, как малых детей, разводить их по углам. Я был для них надзирателем. Или воспитателем. Я думаю теперь, Ирод, если бы смог, с удовольствием перерезал бы мне глотку. Не без участия Анны, естественно... Хотя Анну, эту ядовитую змею, я бы и сам... Да... Анна...

Появляется Анна.

Я сперва не разглядел его. Сначала он был прост и незаметен, но постепенно начинаешь ощущать его силу. Он был везде... Я сразу понял, что ему передаются все мои речи, я понял, что меня подслушивают и даже иногда позволяют себе читать мою переписку. Я сменил прислугу — не помогло. Несколько человек казнил... Но это не имело никакого значения. Анна обладал гигантским влиянием. Не смотря на то, что его ненавидели, Анна всегда мог заставить иудеев поступать так, как ему это было нужно. Иногда он играл толпой, как атлет мускулами, просто так, для того, чтобы продемонстрировать свою силу... Мне продемонстрировать! Он думал, что может управлять мной. Он пытался меня запугивать, хотел подкупить. Он жаловался на меня наместнику Сирии Публию Флакку⁴, но тот сразу раскусил мерзавца. Если бы он смог, то, наверное, пожаловался бы самому Цезарю. Старый скабрёжник! Доносил ведь и боялся! Трясся от страха и всё равно доносил! Даже когда сам не решался, подставлял родственников: сыновей, зятей, братьев, которых распихал по синедрионам всей Иудеи, Галилеи и Перее. У него везде были свои агенты. А он платил им деньгами, которые зарабатывал на торговле в храмах. Ему было плевать на народ. В Иерусалиме люди семьями гибли от тифа и плохой воды. “Дай людям воду, — сказал я ему. — Твои же иудеи болеют и умирают”. Никогда не забуду его отвратительную ухмылку.

Анна. Они умирают не от плохой воды, а от гнева Господня. Умирают за то, что преступают Закон Моисеев.

Пилат. Этот цинизм взбесил меня. “Мне плевать на Закон!” — сказал я. В тот же день я приказал арестовать храмовые сокровища и употребить их на строительство водопровода в Иерусалим.² Анна всеми силами пытался помешать мне. Он начал распускать разные слухи.

Анна (зрителям). Из-за гнева божьего на моё богохульство рухнула башня Силоамская, задавив восемнадцать человек.

Пилат. Его раввины начали подстрекать народ к бунту. Меня предупредили, что в Иерусалиме меня ждёт разъярённая толпа. Полгорода собралось для того, чтобы

³ Ирод Антиппа, один из сыновей Ирода Великого, получил по завещанию отца Галилею и Перее, которыми управлял в качестве тетрарха с 4 по 39 г. н. э. Низложен Калигулой и отправлен в ссылку.

⁴ Публий Помпоний Флакк, наместник Сирии 32-35 гг. н. э. Правители Иудеи являлись подчинёнными наместников Сирии.

² Этот случай описан у Иосифа Флавия.

требовать от меня прекратить строительство. Идиоты! Мне что ли нужен этот водопровод!? Мои детидохнут от тифа?! Они не понимают: если они хотят смерти друг друга, пусть просто устроят резню. Им плевать на своих детей во имя бога. Я не собирался подчиняться их дурости. Я до сих пор помню взгляд священника Анны: полный бессильной ненависти, злобы и страха...

Я не отдал ему деньги и достроил водопровод. Если иудеям не нужна вода, то её будут пить римские легионы. Они ещё удивляются, что их народ завоёвывают все кому не лень! Евреи как овцы, которые пытаются обмануть пастуха, играя на его чувствах жалобным бляньем. Они пальцем не пошевелят сами — ждут своего Мессию, царя. Они не могут спастись сами — им необходим спаситель. Им нужен пастух. Да кому они нужны? Хитрые, опасные овцы, время от времени убивающие друг друга... Никогда их не понимал. Галлам, тем же галлам и в голову не взбрёт ждать какого-то мистического избавителя. Они бы дрались, дрались бы до последнего, потому что галлу нужна свобода сейчас, сию минуту, они готовы взять ответственность. А евреи? Прошли времена Макковеев³. Израильскому государству — конец! Осталось большое стадо...

Я помню начало своего наместничества: я переводил легионы в Иерусалим⁴. Естественно перевозили и знамёна когорт, с орлами и ликами Цезаря. Меня предупредили, что иудеи ревностно относятся к изображениям людей и животных в своём городе. Хорошо. Я сказал: “Внесите ночью”. Я не мог ввести когорты без знамён — это был бы позор. Позор римской армии. Всё было сделано тихо и спокойно. Утром Анна был у меня.

Анна. Ты поступаешь недальновидно, игемон. Люди требуют уважения к себе и к своему Богу. Но если власть не уважает народ, он отвечает ей тем же...

Пилат. Мне плевать.

Анна. Такая власть долго не держится, игемон.

Пилат. Ты мне угрожаешь?

Анна. Чем я могу угрожать наместнику всесильного Рима? Я всего лишь немощный старик, который скоро покинет этот мир. Я предупреждаю и исключительно во твоё благо.

Пилат. Спасибо за заботу. Только учти, Анна, я поступлю так, как считаю нужным во славу Цезаря, даже если для этого мне придётся перебить весь твой уважаемый народ.

Анна. Пусть так (*в сторону*), но ты захлебнёшься в этой крови.

Пилат. Он ушёл... Через час вокруг дворца стали собираться люди: горожане, возбуждаемые священниками, требовали меня. К вечеру в город стал стекаться народ с окружающих деревень. Слухи о святотатстве нового наместника распространялись как пожар. Мне это было даже забавно. Я решил посмотреть на сколько их хватит. Они кричали день, два, три... Анна доставлял им провизию и вино. На пятый день я приказал сообщить толпе, что скоро выйду к ним и объявлю своё решение. Предварительно же я приказал солдатам окружить площадь так, чтобы ни один — ни один не вырвался... Легионеры несколькими рядами оцепили толпу и начали сжимать кольцо. Я хотел отрезвить людей. Анна подстрекал их.

Анна (*Всем зрителям*). Ничего, ничего... Он ещё дождётся своего часа... Господь не оставит нас. Он покарает нечестивца. Пилат сдохнет как собака! Не бойтесь... Не бойтесь, дети мои...

(*Конкретному зрителю*) Ты. Ты поможешь мне. Нет, я плохо сказал. Ты поможешь своему народу. Понял? Когда я дам знак ты крикнешь во весь голос: “Долой Пилата!” Ясно? По моему знаку...

(*Всем*) Мы станем десницей Господа. Мы свернём шею этому выродку...

³ Макковей, легендарные братья возглавившие народно-освободительную войну против династии Селевкидов, правившей в Иудее с 200 г. до н. э., и отличавшейся особой жестокостью и притеснениями иудеев. В результате Макковейских войн младший из братьев стал царём, Иудея обрела независимость — Хасмонейское царство, существовавшее вплоть до завоевания его римским полководцем Гнеем Помпеем.

⁴ Этот случай также описан у Флавия.

(*Манит пальцем зрителя*) Ты слышишь, какой-то голос кричит “Смерть богохульнику”? Это твой голос. По моему сигналу ты крикнешь это. Понял? И пусть вся ненависть Иудеи возопит в этом крике.

(*Всем*) Он ещё узнает силу святого народа.

(*Третьему зрителю*) Тебя я прошу о помощи. Ты ведь не откажешь мне? Ты крикнешь, когда я укажу на тебя. Крикнешь громко “Вон из Иудеи!” Господь не забудет тебя в своей милости...

(*Всем*) Когда услышите крики собратьев ваших, шипите и топайте ногами, и свистите, и гремите... Чтобы богохульник знал, что нет в Иудее сердца, не ненавидящего его... Все! По моему знаку... Сейчас!

Крики. “Долой Пилата!”, “Смерть богохульнику!”, “Вон из Иудеи!”

Пилат. На это я сказал, что порублю всех, кто не примет ликов Цезаря. Легионеры обнажили мечи. Эти люди смотрели на меня со страхом и изумлением, а затем вдруг стали падать ниц. Все. Тысячи людей стали передо мной на колени. Их гордость оказалась такой же фальшивой, как и их храбрость. Они умоляли меня. Они унижались, потому что хотели жить и боялись своего бога. Я снова видел перед собой стадо овец. Я убрал знамёна... Я убрал знамёна не потому, что побоялся их перебить, а потому... что пожалел их. Пастух не должен уничтожать своё стадо только потому, что овцы дурнее человека...

Анна уходит.

Варварская страна. Они ненавидят любого, кто ими правит: они ненавидели Ирода, ненавидели Антиппу и Архелая, Грата, Анну и... меня. Всё-таки как они меня ненавидели! Даже приятно! В этом было своё очарование, свой интерес. Да... я бы, наверное, там ещё остался. Ко всему привыкаешь, даже к подлости и ненависти. Даже как-то неуютно себя чувствую без милых проделок старого Анны, без пьяных оргий Архелая и скрытой женской ненависти Иродиады. Марулл¹ станет хорошим префектом. Может быть он сможет...

Входит Прокула.

Прокула. Понтий, я не потревожила тебя?

Пилат. Что ещё?

Прокула. Только что на остров прибыл посланец из Рима. Всадник Копоний. Он хочет видеть тебя.

Пилат. Приведи его.

Прокула уходит.

Пилат. Что ещё им надо от меня? Каким ветром его занесло сюда? Или может быть Калигула вспомнил обо мне?

Входят Прокула и Копоний.

Копоний. Привет тебе, благородный всадник Понтий Пилат, и долгих лет. Я Марк Копоний легат Цезаря Гая.

Пилат. Привет тебе, всадник. Твоего отца добрым словом помнят в Иудее. Он был хорошим наместником⁵.

Копоний. Спасибо. Я стараюсь быть достойным своего отца.

Пилат (*тихо*). Это похвально.

¹ Марулл, преемник Пилата на должности наместника Иудеи и Самарии.

⁵ Имеется ввиду префект Иудеи Копоний, правивший там с 6 по 9 гг. н. э.

Копоний. Что?

Пилат. Я говорю, это похвально чтить память своих предков. Да ты не обращай внимания на мои слова, молодой Копоний. Здесь от одиночества начинаешь говорить действительно то, что думаешь. Так с чем ты приехал ко мне, всадник?

Копоний. Увидеть тебя, Понтий.

Пилат. Ну и как впечатления? Я вижу скорбные. Что нового в Риме?

Копоний. О Рим, Рим, столица Вселенной... Рим нынче просто фонтанирует жизнью. О, там сейчас весело! Хлеба, как обычно, мало, зато зрелищ... Император Гай большой выдумщик по этой части. Такой затейник. Каждый день гладиаторские бои, священные церемонии и праздники. Праздники и казни. Так трудно выбрать куда пойти.

Пилат. Как я тебя понимаю.

Копоний. А недавно Калигула и вовсе превзошёл сам себя. Открыл бордель.

Пилат. Что, хороший бордель?

Копоний. Потрясающий! Калигула заставил сенаторов поставлять туда своих жён. Вот где гетеры... (*Хохочет*). Смешно.

Пилат. Обхохочешься.

Копоний. Нет, там правда весело.

Пилат. Это потому что ты не женат.

Копоний. Зато я теперь знаю, почему и не стоит этого делать.

Пилат. И не тяжело вести такую активную жизнь?

Копоний. Иногда утомляет. Так и тянет, знаешь ли, куда-нибудь в деревню... На Капри или в Ниццу. А с другой стороны эта скука... Вот так и разрываешься в неразрешимых противоречиях...

Пилат. Понимаю. Как поживет наш божественный император Калигула. И вообще, кто он нынче: прекрасный Аполлон или Венера?

Копоний. Он считает, что он воплощает в себе сразу весь пантеон.

Пилат. И то правда. Если уж быть кем-то, так всеми римскими богами сразу. А как поживает его четвероногий конь – сенатор? Надеюсь, ржёт в поддержку своего императора?

Копоний. Ты шутишь?

Пилат. Ну почему же. Я уверен это будет великий сенатор, хоть и не затмит сразу весь пантеон богов и богинь. Любой конь всё равно лучше ослов. В общем ничего нового... Но я вижу ты принёс мне новости. Какие новости: хорошие или плохие?

Копоний. Нам надо поговорить с глазу на глаз.

Пилат. Ясно... Значит новости плохие. Ступай, Прокула, распорядись о трапезе.

Прокула. Он иногда говорит всякие странные вещи. Не обращай внимания, всадник. Это всё лихорадка...

Пилат. Прокула!

Прокула. Лихорадка и одиночество...

Прокула уходит.

Пилат. Я слушаю.

Копоний. Мне трудно это рассказывать.

Пилат. Неужели всё так плохо?

Копоний. Император Гай велел провести сенатское расследование деятельности некоторых лиц, назначенных при Тиберии. Говорят, что это входило в завещание самого Тиберия. Никто не может понять...

Пилат. Расследование? С какой целью?

Копоний. Я буду с тобой откровенным, Понтий. Мне это всё самому не по душе. Это расследование имеет целью твоё осуждение как изменника и хулителя Цезаря.

Пилат. Значит ему мало моей ссылки?

Копоний. Возможно это воля не самого Цезаря, а кто-то вложил эту идею ему в уши.

Пилат. Раньше уничтожали неугодных в Риме, а теперь, видишь ты, добрались и до провинций. Неужели в Риме не осталось кого казнить?

Копоний. Ты шутишь?

Пилат. Ну почему же... А вообще забавно. И как прошло расследование?

Копоний. Я только что из Иерусалима, говорил с новым префектом Маруллом¹, был в Сирии у Вителлия², где узнавал подробности твоего отстранения.

Пилат. Да, нашёл у кого узнавать. Он сыграл в этом не последнюю роль.

Копоний. У меня с собой достаточно обвинений, возводимых на тебя Иродом и Каиафой. Этого будет достаточно.

Пилат. Ты считаешь их истинными?

Копоний. От меня требовалось найти любые обвинения. Я знаю, что Анна подкупил свидетелей, а Ирод ненавидит тебя. Комиссии будет всё равно...

Пилат. Римское правосудие в действии. А ко мне ты зачем приехал?

Копоний. Чтобы дать тебе возможность оправдаться.

Пилат. Всем плевать на мои оправдания. Есть что-то ещё...

Копоний. Да, есть кое что ещё... На самом деле комиссии было поручено провести два расследования. Одно — на счёт тебя. А другое... Мне поручили расследовать обстоятельства смерти одного человека. Этот человек был распят по обвинению в обольстительстве в бытность тебя, Понтий, префектом.

Пилат. Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь. Ну-ну, продолжай...

Копоний. Это было в восемнадцатый год Тиберия Цезаря. Помнишь? Ты утвердил смертный приговор синедриона и отправил на казнь некоего проповедника из Северной Галилеи по имени Иисус, прозванного также Назореем. Ты помнишь его?

Пилат. Да.

Копоний. Ты знаешь что-нибудь об этом человеке?

Пилат. Я хочу услышать, что ты узнал.

Копоний. Хорошо. Он родился в год большой переписи, устроенной по приказу Божественного Августа Квиринием⁶.

Пилат. Я помню эту перепись.

Копоний. В тот год семья его: плотник по имени Иосиф и его тяжёлая жена, Мария, направились в город Вифлеем. Там она и родила Иисуса. Мальчик тоже учился ремеслу плотника и после смерти отца содержал себя и мать подёнными работами. Всё это время они жили в Назарете Галилейском. Проповедовать он начал, когда ему было около тридцати лет, сначала в своём родном городе, но там его проповеди восприняли враждебно. Тогда Иисус уехал в маленькое селение Капернаум. Говорили, что отец его, Иосиф, был из рода царя Давида. Это добавило популярности молодому Иисусу. Почитателей у него становилось всё больше. Говорили, что он является мессией для евреев. Говорили, что он обманом возбуждал народ к восстанию... Впрочем, я не знаю насколько всё это правдиво. Его ученики утверждали обратное.

Пилат. С кем ты говорил?

Копоний. С его сводным братом, Иаковом. После смерти Назорея он возглавил общину его почитателей в Иерусалиме.

Пилат. Я знал его. И что он сказал тебе?

Копоний. Он сказал, что Иисус принёс евреям благовест. Он сказал, что Иисус был мессией, спасителем, пришествие которого предсказывали их древние пророки.

Пилат. Да, я слышал это не однажды. Моя жена, Прокула, до сих пор очарована этими суевериями.

¹ Марулл, наместник Иудеи 37-41 гг. н. э.

² Луций Вителлий, консул 34, 43 и 47 гг., 35-39гг — наместник Сирии.

⁶ Публий Сульпиций Квириний, легат Августа в Сирии и Финикии прим. в 4 г. до н. э.

Копоний (*шутливо*). Должно быть странно быть очарованной человеком, которого муж приговорил к распятию...

Пилат (*грубо*). Не твоё дело. И что же ты узнал про мою роль в этой истории?

Копоний. Анна мне сказал, что ты охотно утвердил приговор синедриона, потому что сам убедился, что Назорей — лгун, богохульник и обольститель...

Пилат (*с иронией*). Даже так?

Копоний. Анна в этом осталась очень довольным тобой.

Пилат. Жаль... А я надеялся, что не оставлю ему повода для довольства. Были ещё мнения?

Копоний. Я спросил у Иакова. Он сказал мне, что ты осудил Иисуса по слабости.

Пилат (*изумлённо*). Так и сказал?

Копоний. Он сказал, что, может быть, ты и отпустил бы его, но побоялся влияния Анны и Каиафы. Что ты пытался спасти его, осудив лишь на бичевание и поношение, но не на смерть. Однако приспешники Анны собрали толпу и подстрекали её требовать смерти Назорея. И ты умыл руки и утвердил приговор...

Пилат. М-да... Тоже интересная трактовка.

Копоний. И кто из них ближе к правде?

Пилат. Никто.

Копоний. Всё было не так?

Пилат. А разве теперь это имеет какое-нибудь значение?

Копоний. То есть как? Я приехал сюда за правдой.

Пилат. Правда — не женщина, что с ней делать не понятно. Вот что ты с ней будешь делать, с правдой?

Копоний (*неуверенно*). Ну я...

Пилат. Впрочем, это не важно. Я вижу, ты хочешь меня спросить о чём-то. Спрашивай.

Копоний. Что ты знаешь об Иисусе?

Пилат. Немногим больше тебя. Ты почти всё правильно сказал. Ходили слухи, правда, что Иосиф-плотник был слишком стар, когда Мария вошла в его дом. Ты понимаешь меня. Говорили, что она в грехе зачала ребёнка¹. А Иосиф по жалости, чтобы избавить от её от побивания камнями, а ребёнка от позора, покрывал её. Позже даже сводные братья Иисуса подозревали его в сумасшествии. Я думаю, всем бы было наплевать на этого человека, на его учение, если бы не его союз с неким Иоанном, влиятельным ессеем², крестившем людей в Иордане.

Копоний. Я слышал, недавно он был казнён Иродом.

Пилат. Забавно...

Копоний. Как проходил суд?

Пилат. Ты хочешь узнать как он проходил на самом деле?

Копоний. Да.

Пилат. Хорошо, я расскажу тебе. Мне привели его перед Пасхой с уже составленным приговором синедриона, который я должен был утвердить. Один взгляд на эту бумагу — и стало понятно, что приговор вынесли второпях и с многими нарушениями. Не был соблюден даже иудейский обычай³. В общем, от этой бумаги издали несли проделками этого старого стервятника — Анны. Я решил познакомиться с подследственным поближе, в надежде найти повод, чтобы отменить приговор. Как сейчас помню этот разговор. Иисуса привели ко мне...

Вводят Иисуса.

¹ Это талмудическая трактовка, которую поддерживали некоторые античные антихристианские писатели (например Цельс).

² По мнению большинства исследователей Иоанн Предтеча был предводителем большой ессейской общины, проповедовавшей мессианские идеи и близкий конец света, что и сблизило его с ранними христианами, которые также первоначально рассматривались как ответвление ессейского движения.

Ты Иисус, сын Иосифа-плотника из Назарета?

Иисус. Да.

Пилат. Ты обвинён синедрионом в обольстительстве, богохульстве и преступлении против Закона иудеев. признаёшь ли ты обвинения?

Иисус. Нет.

Пилат. Тебе дали возможность оправдаться?

Иисус. Нет.

Пилат. Кто свидетельствовал против тебя?

Иисус. Я их не знаю.

Пилат. Они свидетельствовали правдиво?

Иисус. У меня нет и не было тех намерений, которые они мне приписывали.

Пилат. Так... Ясно. Значит вины за собой не находишь?

Иисус. Моя вина лишь в том, что я нёс Слово Божье людям и дарил им надежду.

Пилат (*встревоженно*). Надежду? Надежду на что?

Иисус. Надежду на спасение, на другую, лучшую жизнь, на лучшее царство, на любовь...

Пилат. На спасение? Ты, иудей, выражайся яснее. Можно истолковать, что ты обещаешь евреям освобождение от власти Цезаря. Это преступление.

Иисус. Моё царство не от мира сего. Моё царство в сердце каждого. Это Царство Небесное. И в твоём сердце, игемон...

Пилат. Ну ясно... Всё это ваша иудейская демагогия. Меня это мало интересует, Назорей. Мои вопросы не касаются Бога, Закона или этики. Ответь прямо, ты подстрекал иудеев к бунту?

Иисус. Нет. Я призывал их к человеколюбию.

Пилат. А разрушение храма? Не ты ли бесчинствовал в Иерусалимском храме и грозился разрушить его в три дня?

Иисус. Храм строился дыханием божьим и разрушится им. Первосвященники нарушили заветы патриархов и судей — Гнев Божий рано или поздно достигнет их...

Пилат (*себе под нос*). Хорошо бы. (*Иисусу*.) Короче, к разрушению храма ты не призывал.

Иисус. Нет.

Пилат. Тебя били? (*Иисус отрицательно качает головой*) Нет? Ну не отчаивайся, всё ещё впереди... Сколько у тебя приспешников?

Иисус. Много... Даже больше, чем они сами о себе могут подумать.

Пилат. Мне донесли, что несколько тысяч.

Иисус. Моя задача — донести благую весть всем.

Пилат (*Копонию*). Вот тут я задумался. Мне очень хотелось досадить Анне. Повод был — подлог документов, лжесвидетельство, клевета... Наверное, я бы мог его освободить. Но были и другие обстоятельства. (*Иисусу*) В общем, вины за тобой не нахожу.

Иисус. Так ты отпустишь меня, игемон?

Пилат. Не всё так просто, Назорей. Как судья и блюститель справедливости я должен не утверждать приговор и освободить тебя. Но что это за собой повлечёт? Анну это только разозлит. Он не смирится: не пройдёт и нескольких дней, как его люди найдут тебя и перережут горло. А свалят — свалят всё на грабителей или zelотов. Может быть, ты даже не успеешь выехать из Иерусалима...

Иисус (*не прерывая его, с ужасом*). Господи, как же так...

Пилат. Или я могу подписать приговор.

Иисус. И как же ты поступишь?

Пилат. Я расскажу тебе кое-что, Назорей. Это было года четыре тому назад¹. В Самарии появился человек, египтянин, похожий на тебя. Он тоже пытался открыть людям глаза.

¹ В реальности (по информации Флавия) именно этот случай в биографии Пилата стал поводом для его отстранения от должности.

Его популярность росла... Однажды он объявил проповедь на священной горе Гаризим². Множество людей собралось послушать его... Проповедь египтянина была безобидна, но люди не поняли его. Они стали вооружаться, потому что он пообещал им свободу. Весть об этом как чума распространилась по Самарии. В Тирафане Самаритянском собиралось целое войско. Их не интересовало о какой именно свободе сказал им египтянин. Они всё поняли по-своему. Мне пришлось напасть на них. Тогда погибло очень много достойных самаритян. Многих потом казнили за участие в мятеже. И у меня не было другого выхода, пока я наместник Цезаря здесь. Понимаешь? (Резко.) Отвечай!

Иисус. Что ты хочешь услышать, игемон?

Пилат. Если я оставлю тебя жить, твои ученики будут умножаться и приумножаться. Ты не сможешь объяснить каждому про царство небесное. Они будут искать справедливое царство здесь. Им не нужен мессия. Им нужен царь. Они ждут нового Давида.

Иисус. Я дам им лучшую надежду.

Пилат. Я не боюсь мятежа, Назорей. Армия Рима бесчисленна и непобедима. Но мне жалко тех людей, множество людей, которые погибнут в бойне и которых мне придётся осудить на смерть и подвергнуть пыткам. Ты понимаешь? Их жизни будут не на твоей, а на моей совести. Ты останешься ни при чём, а Пилат будет тираном и кровопийцей. И мне это не кажется забавным. Послушай, Назорей, я не имею ничего против тебя. Может быть, ты даже в чём-то прав... Я не берусь судить. Но я здесь наместник, и моя задача — сохранить жизнь поданным, когда это возможно, а не устраивать бессмысленные боины. И если у меня будет выбор между одним проповедником, пусть и ни в чём не повинным, и тысячами иудеев и римлян, которые погибнут в пламени восстания — я не буду колебаться. Пожалуй, мне придётся утвердить приговор, Назорей.

Иисус. Но как же так?

Пилат. Хотя нет... Можно сделать по-другому. Я могу отпустить тебя...

Иисус (с надеждой). Правда?

Пилат. Конечно. Но при одном условии: ты вернёшься в Капернаум, освободишься от всех своих учеников, перестанешь проповедовать и будешь простым плотником или рыбаком — как хочешь... Я даже готов предоставить тебе охрану и покровительство. Ну так как? Ты согласен?

Пауза.

Иисус. Нет, игемон. Я так не могу. Нет.

Пилат. Ну почему?

Иисус. У меня другая судьба. Ты не поймёшь. Я не могу...

Пилат (разочарованно и неохотно). Я прикажу бичевать тебя. Потом ты будешь прилюдно низведён и унижен, чтобы больше ни у кого не возникло желание стать царём иудейским. И после этого я снова дам тебе выбор. Так что подумай, Назорей, хорошенько подумай: можешь ли ты жить простым человеком и готов ли ты к распятию...

Иисуса уводят.

После бичевания его ещё раз привели ко мне. Увидев его, мне стало ясно, что он уже достаточно наказан. Я решил дать ему ещё один шанс. Я сказал, что если его ученики вступятся за него и присягнут Цезарю, я отпущу его. Потом Иисуса вывели на площадь... Ты знаешь, Копоний, я сам изумился, не нашлось ни одного человека, который защитил бы его, я не знаю, хоть словом, хоть возгласом неодобрения... Я надеялся, что его ученики всё-таки придут увидеть своего раввина. Никого! Ни одного человека среди нескольких сотен на площади! Они испугались. Он не согласился стать простым человеком. Я утвердил приговор. Вот и всё...

² На горе Гаризим существовал самарянский храм, выступавший конкурентом иерусалимскому и потому разрушенный в 128 г. до н. э. иудеями при завоевании Самарии. О нём упоминается в Евангелии (Инн 4:20).

Копоний. Ясно... Я сообщу комиссии об этих подробностях. И больше ты не возвращался к этому делу?

Пилат. Только однажды. Я уже сказал, что Прокула, жена моя, была очарована проповедями этого назаретянина. Я ей объяснил, почему мне пришлось утвердить приговор. Она простила меня, но не смирилась... Прошли годы, а я чувствовал, что это дело всё ещё тревожит её. Она не понимала почему его ученики ничего не сделали, чтобы заступиться за учителя.

Копоний. И что же ты сделал?

Пилат. Я велел разыскать главаря его общины, того самого Иакова, сводного брата Назорея. Сейчас припомню... Это было в последний год моего наместничества, а кажется, это было вчера...

Входит Иаков.

Проходи. Ты Иаков, сын Иосифа, сводный брат Иисуса, прозванного Мессией и казнённого три года назад?

Иаков. Я, игемон. Ты вызвал меня, чтобы также казнить за мнимые преступления?

Пилат. Ты испугался?

Иаков. Я уже немолодой человек, игемон. Конец моей жизни не за горами, и какая разница каким он будет? *(Пауза.)* Если всем воздастся по делам их...

Пилат. Я не занимаюсь религиозными преступлениями — это дело синедриона. Я пригласил тебя просто поговорить...

Иаков. Что-то я не слышал, чтобы Римский всадник, наместник Цезаря хотел поговорить с бедным иудеем, да ещё братом распятого за обольстительство.

Пилат. Я хочу, чтобы ты прояснил мне то, что я не понимаю. Вот уже три года не понимаю.

Иаков. Спрашивай, игемон.

Пилат. Прежде я хочу тебе сказать, что я не нашёл вины в Иисусе. Я предлагал ему волю в обмен на обещание прекратить опасные проповеди.

Иаков. Он не согласился.

Пилат. Нет, он не согласился, Иаков. Впрочем, у него была ещё одна возможность избежать креста.

Иаков. Какая?

Пилат. Я сказал Назорею, что освобожу его, если его ученики заступятся за него и поручатся передо мной, что Иисус безвреден Риму и не нарушал иудейского Закона. Но и я, и он ждали напрасно...

Пауза.

Чего ты молчишь, Иаков?

Иаков. Мы не знали об этом...

Пилат. Ты считаешь, это оправдание?

Иаков. Нет.

Пилат. Почему вы не попытались спасти его?

Иаков. Мы думали, что это невозможно. Мы решили сохранить его учение...

Пилат. Ты сам не веришь в то, что говоришь.

Иаков. Но...

Пилат *(грубо перебивает).* Чушь! Это самооправдание! Вы трусили. Вы разбежались по углам, как крысы, едва почуяв запах опасности, едва завидев бороду Анны. Конечно, очень удобно сохранять учение, избавляя от опасности собственные жизни... Или всё наоборот? Сохранять жизни, по предлогу продолжения учения?

Иаков. Нет, нет, всё было не так! Мы, мы растерялись... Мы все молились за него. Судьбы его была в руках Господа...

Пилат *(тихо).* Овцы... *(Иакову)* Его судьбы была в ваших руках.

Иаков. Мы по-разному смотрим на мир.

Пилат (*с издёвкой*). Ну конечно, Иаков, это всё так легко объясняет... Нет, нет, это самообман, . Знаешь что, когда-то, уже давно, я служил в Галлии — дикой стране, далеко на севере. Там люди ещё не строят городов, живут племенами в бескрайних лесах... Так вот, ты можешь, что угодно говорить мне о разных взглядах на мир, только я знаю очень хорошо, Иаков... (*Пауза.*) Бывало, во время битвы мы захватывали их вождя, и тогда галлы, все как один, воины, старики, женщины, иногда даже дети — все делали что-то для его освобождения... Я знаю, что они бы бились, бились до конца, бились до последнего, даже если им противостояли все имперские легионы, бились, даже если не было ни одного шанса... Я уважаю их за это, уважаю, потому что сам делал бы также, и не уважаю тебя. Только овцы ничего не делают для спасения своего пастыря. И не важно белые овцы или русые, ессеи или фарисеи. Я не хочу, чтобы ты оправдывался, Иаков. Мне не нужны оправдания. Если бы тебе было, что сказать, ты сказал бы раньше... Я хочу, чтобы ты понял: подписал этот приговор я, а утвердил, утвердил его ты — ты и твои товарищи. Твой брат и учитель, наверное, простил бы тебя, но спроси себя, достоин ли ты прощения...

Иаков. Мне не в чем перед тобой оправдываться, игемон. Ты просто не представляешь, с чем ты столкнулся. Мне жаль тебя, ты проклят, потому что тебе даже не дано это представить...

Пилат. Ступай, Иаков, больше мы с тобой не увидимся.

Иаков уходит.

Ты удовлетворён, Копоний?

Копоний. Моё расследование закончено. Я передам комиссии всё, что рассказал мне.

Пилат. С моими наилучшими пожеланиями.

Копоний. Если ты приедешь в Рим, не говори на судилище, что я предупредил тебя.

Пилат. Я понимаю... Спасибо тебе, всадник. Я ценю то, что ты сделал для меня. Забавно, Калигула хочет довести до конца дело Тиберия.

Копоний. Тебя будут судить, всадник.

Пилат. Я готов... Вот только...

Копоний. Что?

Пилат. Последнее время я стал себя хуже чувствовать. Какой-то непонятный недуг беспокоит меня... (*Копоний показывает, что он понял намёк.*) Ты меня правильно понял, Копоний. Все нити в руках у богов. Кто знает, когда нити могут порваться?

Копоний. Я учту это, Понтий. А теперь мне надо ехать.

Пилат. Удачи тебе всадник. Спасибо, что развлёк меня...

Копоний уходит.

Хороший юноша... Чего только не сделаешь ради карьеры? Хотя надо отдать ему должное, доносами ему заниматься пока не нравится. Но у него ещё всё впереди. Да... Как всё изменилось. Тебе с заговорщицким видом сообщают о твоей же возможной казни. Тиберий, Калигула... Сумасшедшие делают с Римом, что хотят, а римляне подчиняются. Не понимаю. Раньше это были гордые люди. Неужели всё? Неужели после Августа только упадок? Неужели гордость и самоуважение покинули римский народ. Белые овцы, русые овцы... Мы делаем самое худшее, что только может быть — мы терпим. Терпим в мистической надежде на улучшение. Трясёмся за свои жизни. Мы становимся похожи на них... А значит когда-нибудь придут галлы или германцы, придёт свободный народ, чтобы править рабами. Овцы не умеют защищаться...

Входит Прокула.

Прокула. Копоний уехал. О чём вы с ним говорили?

Пилат. О многом... Он расспрашивал меня об Иудее.

Прокула. Зачем?

Пилат. Потом, Прокула. Я не хочу сейчас возвращаться к этому... Давай ты спросишь меня завтра?

Прокула. Ты в мрачном настроении, Понтий? Этот разговор заставил тебя тосковать?

Пилат. Я много вспоминал...

Прокула. Опять? *(Обречённо вздыхает.)* Ты снова изводишь себя. Нельзя так.

Пилат. Не начинай...

Прокула. Нельзя жить прошлым. Иисус говорил, что жизнь — это не прошлое. Жизнь — это настоящее и будущее. Жизнь — это надежда. Неужели тебе совсем не на что надеяться?

Пилат. Не знаю.

Прокула. Понтий, ну улыбнись... Ведь мир так прекрасен. Оглянись вокруг — мир прекрасен и без власти, без богатства, без постоянной войны и ненависти, без подлости и жёстких противостояний... Здесь не по чем тосковать! Зачем? Выйди из этой сумрачной залы? Там, столько всего хорошего... Там светит солнце, деревья зелены а люди радостны... Жизнь никогда не останавливается. Порадуйся вместе с ними. Есть столько вещей, которым можно радоваться: смех младенца, запах апельсиновой рощи, простор моря с высокой скалы. Вчера в селении я увидела двух греков. Они оказались трагиками, трагиками с Пеллопонеса. Они устроят нам представление. Это же весело, Понтий! Сейчас я их тебе покажу. Они здесь... *(Выбегает, возвращается)* Трагики с Пеллопонеса.

Появляются трагики в масках.

Трагики.

Мы трагики! Это значит, что сейчас,
Для вас сыграем чудо-представленье!
Так плачьте же, иль смейтесь, ведь для нас
Нет больше счастья иль поощренья!

Разыгрывают пантомиму.

Прокула. Ну как?

Пилат. Трагично.

Прокула делает знак и трагики уходят.

Прокула. А ещё в этом году созрел удивительный виноград. Я такого никогда не пробовала: ягоды таят во рту, налитые бесконечно сладким и терпким соком, и воздушной мякотью с лёгкой, еле заметной кислинкой... Вкус этого винограда снимает любые печали. Хочешь, я принесу тебе, Понтий. Тебе понравится. Скажи только слово. Хочешь?

Пилат. Ну принеси.

Прокула радостно убегает.

Пилат. Прокула — так и осталась ребёнком. Боги, если бы всё так было просто.

Прокула возвращается с подносом фруктов.

Прокула. Вот! Только попробуй его. Это вкус жизни!

Пилат. (*Пилат пробует виноград.*) Вкусно.

Прокула. Правда?

Пилат. Правда...

Прокула. Сегодня в деревне праздник Диониса. Давай тоже устроим праздник! Будут трагики, будут танцы. Я буду развлекать тебя, Понтий. Я всё сделаю, чтобы тебе было хорошо, всё-всё. Для чего ещё нужна жена?

Пилат. Хорошо. Пусть сегодня будет праздник. Подготовь всё...

Прокула (*радостно*). Я люблю тебя, Понтий. Всегда любила и всегда буду. Ты просто не знаешь, не представляешь... Я верю в тебя.

Пилат. Больше чем в Иисуса?

Прокула (*совсем тихо*). Больше.

Пилат (*с нежностью*). Ступай...

Прокула. Я так надеюсь, что у нас с тобою будет всё хорошо. Мы будем жить счастливо.

Пилат. Прости, если обижал тебя...

Прокула целует ему руку и уходит. Пилат берёт нож для фруктов и надрезает вену на локте. На протяжении сцены его голос слабеет.

Да, счастье... Все хотят праздников. Калигула ждёт своего развлечения, своего трагика. Жаль, что не смогу доставить ему ожидаемого удовольствия. Впрочем, он не расстроится — у него целая империя трагиков. Хотя лучше всего быть трагиком для себя. (*Берёт виноградину.*) Виноград в этом году действительно хорош. А, может быть, он такой же как и в прошлом году и в позапрошлом, как виноград десять, сто, тысячу лет назад... Достаточно попробовать одну ягоду, чтобы понять вкус всего винограда мира. Прокула права: виноград действительно похож на жизнь... Глупо ожидать, что следующий урожай будет особенным. Прокуле нужен другой муж, который будет радоваться вместе с ней... М-да. Пора что-то в жизни менять кардинально. Однообразие утомляет. Героем я не стал, тираном — тоже, в Пантеоне Олимпа мне вряд ли найдётся место, хотя свой маленький миф мне всё-таки обеспечен. Надеюсь, Аид найдёт мне достойное место в своём царстве, Только подальше от Тиберия и евреев — они возбуждают во мне желание буйствовать, а я хочу выспаться. Забавно... Какое странное ощущение, когда из тебя по капле вытекает жизнь. Хм, ты знаешь, что она вытекает. Ты можешь остановить её в любую секунду. (*Зажимает руку.*) Вот так — и ты живёшь. (*Отпускает.*) вот и ты снова умираешь... Если бы я был поэтом или драматургом в эти мгновения я написал бы своё лучшее произведение. (*Усмехается.*) Трагедию жизни. Но я не поэт — я воин. И я умираю на этой ферме, на маленьком острове где-то в Адриатике, зарезав себя ножом для апельсинов. Не очень достойно... Чего бы только сейчас не отдал за смерть в битве. Дайте мне когорту, и я пошёл бы против всех галлов и германцев мира! (*Ест ещё виноградину.*) Да, мечты, мечты... Даже в таком положении человек не может себе в этом отказать. Ну да ладно. Если не могу быть воином, то роль судьбы должен выполнить до конца... Подсудимый Пилат, я могу дать тебе выбор: ты останешься жить, если согласишься стать простым человеком, бросишь свои воспоминания и замыслы, будешь выращивать смоквы и виноград, радоваться заезжим трагикам и так далее. В противном случае — смерть. У тебя осталось мало времени для размышлений. (*Длинная пауза.*) Твоё решение не оставляет мне выбора — я вынужден утвердить приговор... (*С трудом смеётся.*) Хорошая шутка в конце всего. (*Глаза его закрываются.*) Наконец-то я смогу выспаться, наконец-то...

Он затихает. Входит Прокула. Отчаянный женский вопль. Поднос с грохотом падает у неё из рук.

Занавес.

